Исповедь
Быть Избранная

Женщина вышедшая
из Ада что б стать Светом.

EV Izbrannaya. Phoenix

Елена Избранная

18+

EV Izbrannaya. Phoenix.
Елена Избранная

Исповедь Быть Избранная

«Автор»
2026

Елена Избранная Е.

Исповедь Быть Избранная / Е. Елена Избранная — «Автор», 2026

Это моя личная история — откровенная исповедь женщины, которая сумела пройти сквозь настоящий ад, чтобы в итоге обрести внутреннюю силу и стать светом для других. Здесь нет вранья и прикрас. Я без утайки рассказываю о том, каково это — жить с редким даром и видеть то, что скрыто от глаз остальных. Вы узнаете горькую реальность моих отношений с «родными» людьми, от которых вместо поддержки я получала лишь моральную и физическую боль. Это честный рассказ о жестоком предательстве, тяжелом преодолении и о том, как вопреки всему спасти свою душу и переродиться.

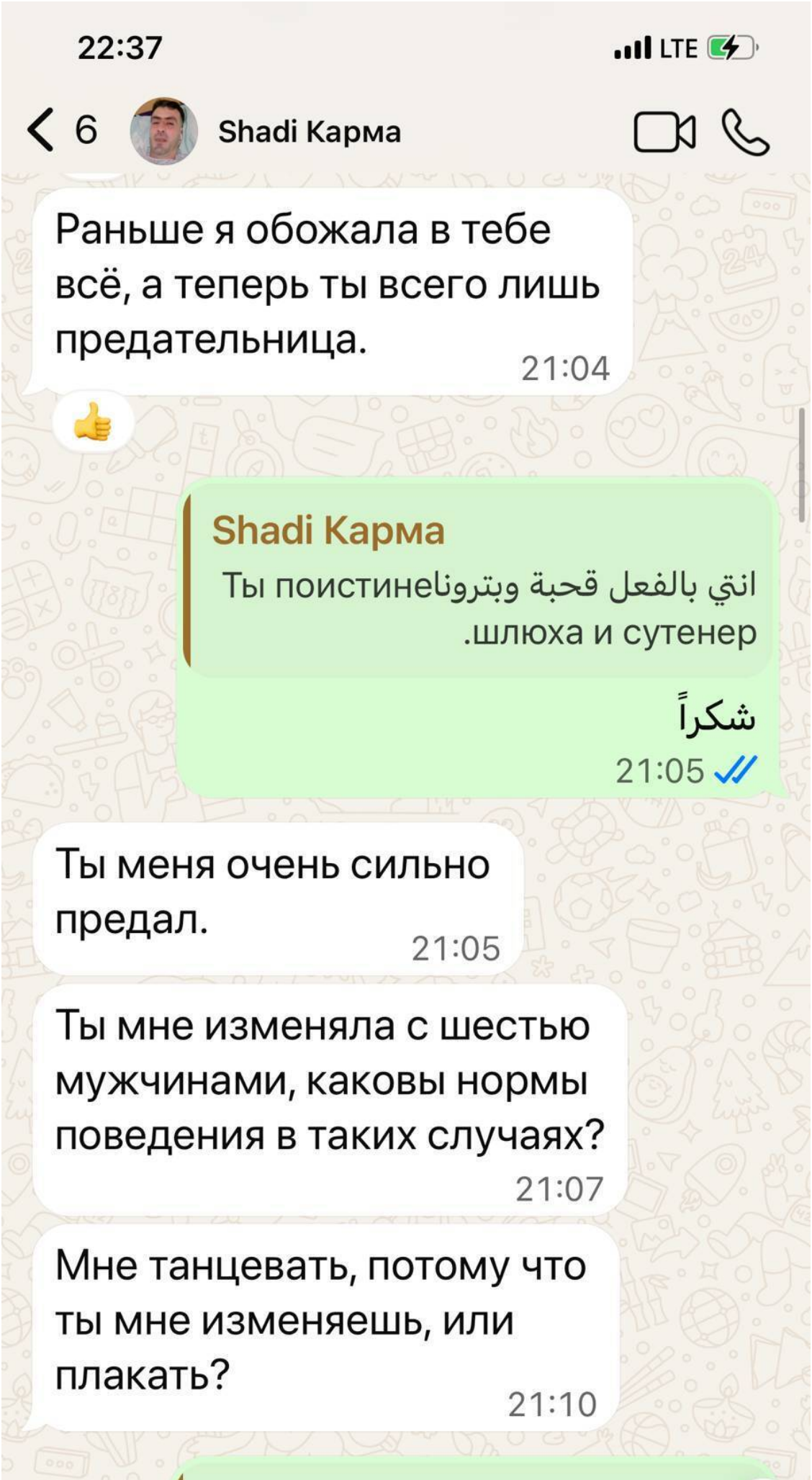
© Елена Избранная Е., 2026
© Автор, 2026

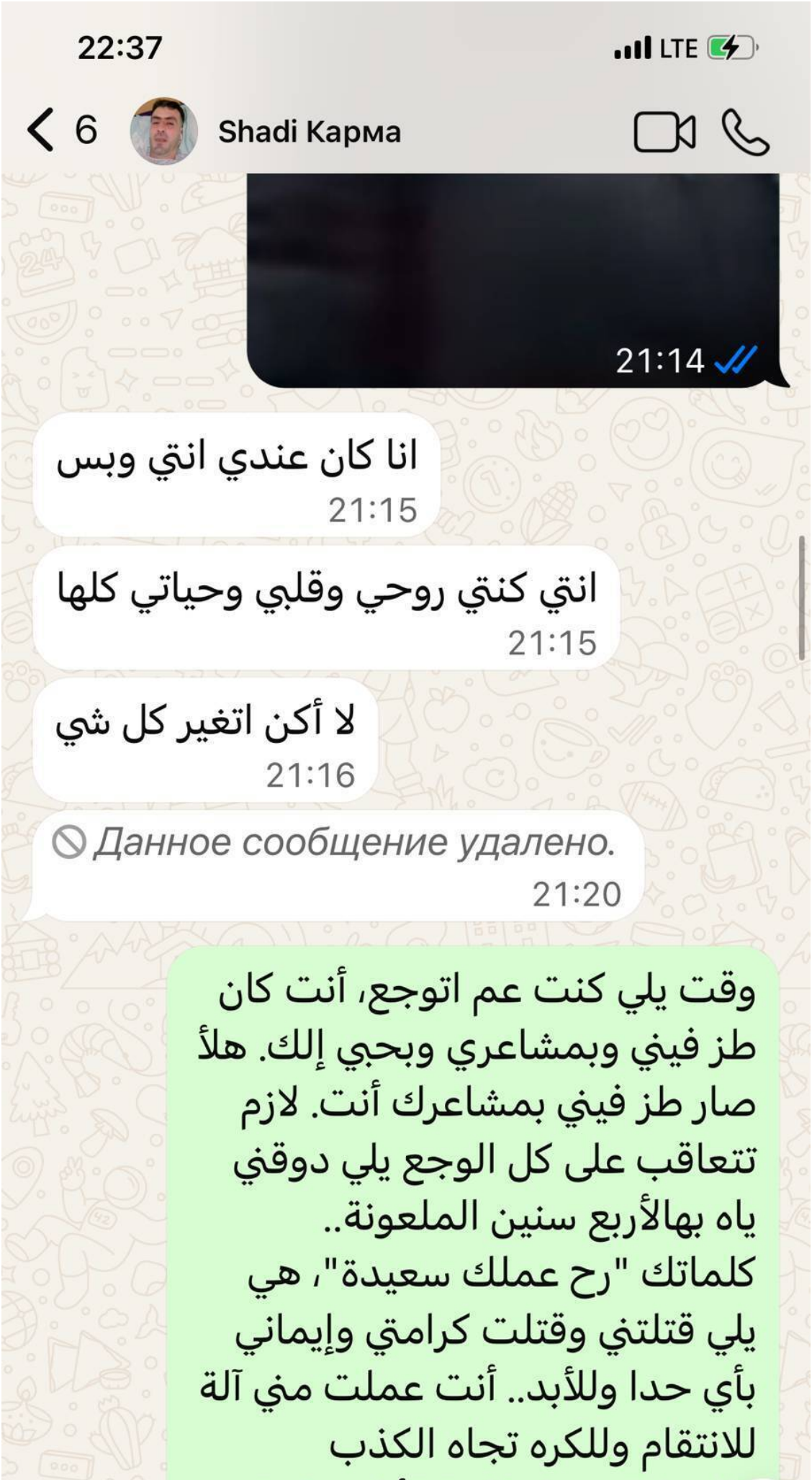
Содержание

Table of Contents 11
Оглавление 12
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОРНИ 15
Глава 1. Рождённая вне времени 15
Глава 2. Дом, которого не было 18
Глава 3. Детство на краю 20
Глава 4. Между мирами 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

EV Izbrannaya. Phoenix. Елена Избранная Исповедь Быть Избранная

22:37
LTE
6
Shadi Карма
20:55
لا تنسوها والآخرين.
20:56
😂😂😂
20:56
انا الان خرا
20:59
Вы
عم تقول هيك لأنك أنت يلي انخنت على مدى هالأربع سنين. أنت مليان خرى وبدك تكبه عليي.. بس معك حق بشغلة...
انا الان خرى
20:59
انتي بالفعل قحبة وبترونا Ты поистине шлюха и сутенер.
21:01
Раньше я обожала в тебе всё, а теперь ты всего лишь

22:37
LTE
6
Shadi Карма
Раньше я обожала в тебе всё, а теперь ты всего лишь предательница.
21:04
Shadi Карма
Ты поистинеانتي بالفعل قحبة وبترونا
.шлюха и сутенер
شكراً
21:05
Ты меня очень сильно предал.
21:05
Ты мне изменяла с шестью мужчинами, каковы нормы поведения в таких случаях?
21:07
Мне танцевать, потому что ты мне изменяешь, или плакать?
21:10

22:37
LTE
6
Shadi Карма
21:14
انا كان عندي انتي وبس
21:15
انتي كنتي روحي وقلبي وحياتي كلها
21:15
لا أكن اتغير كل شي
21:16
Данное сообщение удалено.
21:20
وقت يلي كنت عم اتوجع، أنت كان
طز فيني وبمشاعري وبحبي إلك. هلأ
صار طز فيني بمشاعرك أنت. لازم
تتعاقب على كل الوجع يلي دوقني
ياه بهالأربع سنين الملعونة..
كلماتك "رح عملك سعيدة"، هي
يلي قتلتني وقتلت كرامتي وإيماني
بأي حدا وللأبد.. أنت عملت مني آلة
للانتقام وللكره تجاه الكذب

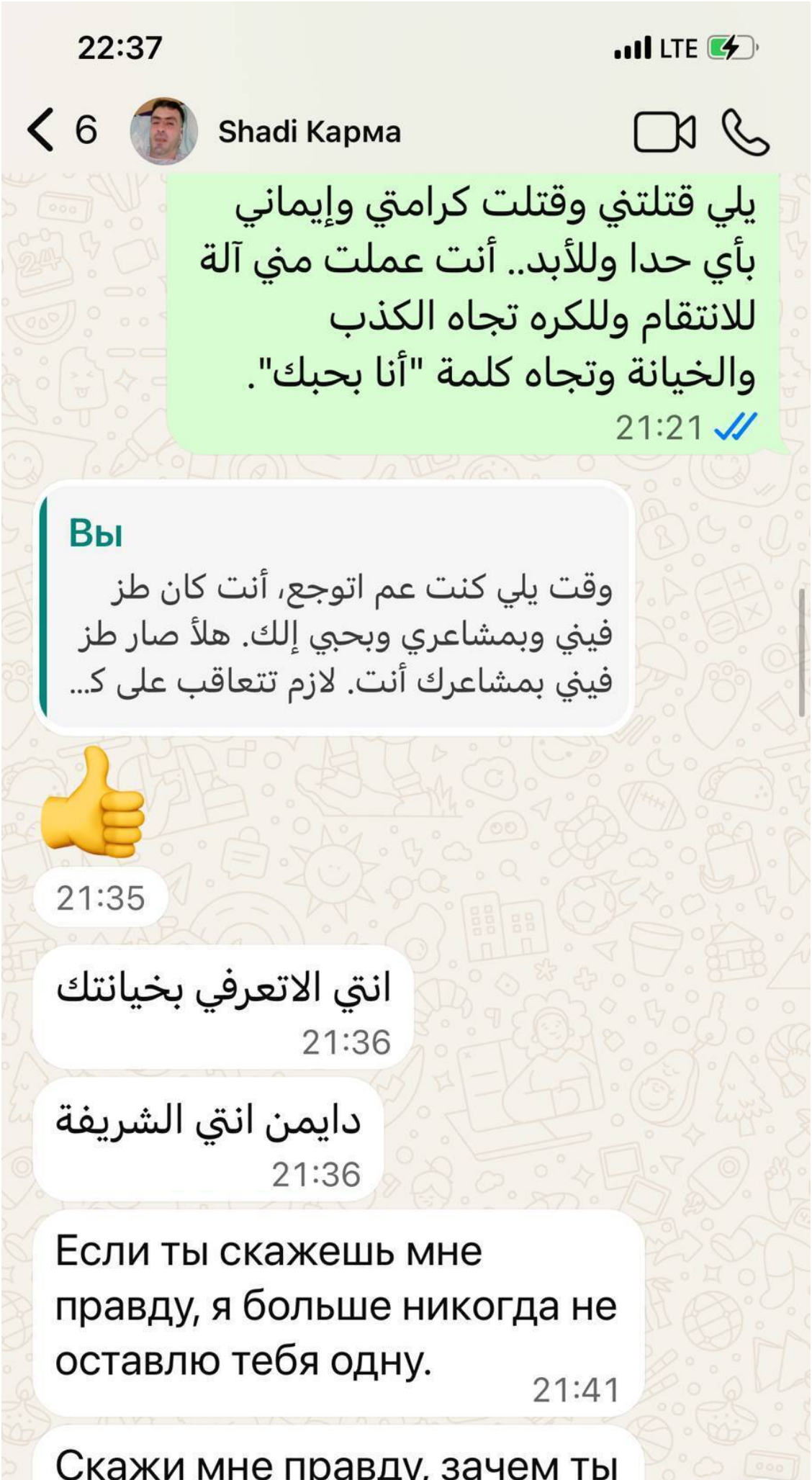

22:37
LTE
6
Shadi Карма
يلي قتلتني وقتلت كرامتي وإيماني
بأي حدا وللأبد.. أنت عملت مني آلة
للانتقام وللكره تجاه الكذب
والخيانة وتجاه كلمة "أنا بحبك".
21:21
Вы
وقت يلي كنت عم اتوجع، أنت كان طز
فيني وبمشاعري وبحبي إلك. هلأ صار طز
فيني بمشاعرك أنت. لازم تتعاقب على ك...
21:35
انتي الاتعرفي بخيانتك
21:36
دايمن انتي الشريفة
21:36
Если ты скажешь мне
правду, я больше никогда не
оставлю тебя одну.
21:41
Скажи мне правду, зачем ты

Table of Contents

Аннотация
Вместо предисловия
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОРНИ
Глава 1. Рождённая вне времени
Глава 2. Дом, которого не было
Глава 3. Детство на краю
Глава 4. Между мирами
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОГОНЬ
Глава 5. Бунт
Глава 6. Предательство
Глава 7. Маньяк и другие
Глава 8. Вырванная из темноты
Глава 9. Ад с человеческим лицом
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ
Глава 10. Клиническая смерть
Глава 11. Я и мои дети
Глава 12. Союз зеркал
Глава 13. Я есть
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ИСПОВЕДЬ
Глава 14. Дорога сквозь огонь
Глава 15. Обращение к тебе
Послесловие. Не конец — начало
Об авторе
Елена Избранная
ИСПОВЕДЬ ВЕДЬМЫ
БЫТЬ ИЗБРАННОЙ
Елена Гаврилова

Оглавление

Аннотация
Вместо предисловия
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОРНИ
Глава 1. Рождённая вне времени
Глава 2. Дом, которого не было
Глава 3. Детство на краю
Глава 4. Между мирами
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОГОНЬ
Глава 5. Бунт
Глава 6. Предательство
Глава 7. Маньяк и другие
Глава 8. Вырванная из темноты
Глава 9. Ад с человеческим лицом
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ
Глава 10. Клиническая смерть
Глава 11. Я и мои дети
Глава 12. Союз зеркал
Глава 13. Я есть
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ИСПОВЕДЬ
Глава 14. Дорога сквозь огонь
Глава 15. Обращение к тебе
Послесловие. Не конец — начало
Об авторе

Аннотация

Эта книга — исповедь женщины, которую предавали самые близкие, ломали обстоятельства и люди, но которая не стала ни жертвой, ни тьмой. Которая прошла через всё это и вышла медиумом, матерью, художником, проводником для тех, кто идёт следом.

Здесь нет утешений и нет красивых финалов. Есть правда. Живая, тяжёлая, настоящая. О том, как боль становится знанием. Как сломанное срастается прочнее прежнего. Как человек, через которого прошло много тьмы, становится способен нести свет для других.

Посвящается:

Тем, кто кричал без звука и всё равно не замолчал.

Тем, кого предавали самые близкие, и кто нашёл в себе силу не предать себя.

Тем, кто стоит на краю и ещё не знает, что выживет.

Вместо предисловия

Я долго молчала.

Не из страха, а из уважения к тому, что пережила. Слова — это не просто слова. Каждое произнесённое вслух становится заклинанием. Каждое записанное — договором с миром, которому ты решаешь довериться. А я не умела доверять. Этому меня не учили. Точнее, учили обратному: что доверие равно уязвимости, уязвимость равно боли, боль равно предательству. Этот урок я усвоила раньше, чем научилась читать.

Но духи настаивали. Они приходили в снах, но не как образы, а как давление в груди, как голос, который не слышишь ушами, но невозможно заглушить ничем. Они говорили одно

и то же, из ночи в ночь, из года в год: пиши. Не для себя. Для тех, кто идёт следом и ещё не знает, что выживет.

Я сопротивлялась долго. Я писала в блокноты и прятала их под матрасами, в старых сумках, в местах, куда никто не заглядывал. Писала в тетради и сжигала. Начинала и останавливалась на полуслове, потому что правда, которую я несла в себе, была слишком тяжёлой, чтобы выпустить её в мир просто так. Она требовала правильного момента. Правильных рук. Правильного внутреннего разрешения, того, которое никто не может дать тебе снаружи.

Этот момент пришёл.

Эта книга — не мемуары в привычном смысле слова. Я не собираюсь рассказывать красивую историю о том, как девочка из украинского села стала ведьмой, нашла себя и теперь учит других. Красивых историй не существует. Существуют честные. А честная история всегда немного страшна, немного стыдна, местами невыносима, потому что в ней есть всё настоящее: кровь и чудо, грязь и свет, боль и та странная благодарность, которая приходит только после того, как прошёл через всё это и остался живым. Не невредимым, а живым. Это разные вещи.

Я пишу от первого лица, потому что другого лица у этой истории нет. Я не буду прятаться за красивыми оборотами или туманными намёками. Я скажу всё. Столько, сколько способна вместить бумага и сколько способно вместить человеческое сердце, держащее эти страницы.

Меня спрашивали: зачем ворошить прошлое? Оставь его там, где оно лежит. Живи дальше.

Но прошлое не лежит. Оно ходит. Оно дышит за спиной. Оно управляет руками, словами, выборами, в те моменты, когда ты думаешь, что управляешь сама. Я знаю это лучше многих. Я видела, как прошлое управляет целыми судьбами — незаметно, терпеливо, с той особой жестокостью, которая не оставляет синяков, потому что бьёт изнутри. Единственный способ стать свободной — обернуться и посмотреть ему в глаза. Назвать каждую тень по имени. Сказать вслух: я вижу тебя. Ты больше не хозяин.

Именно это я и делаю на этих страницах.

Моя жизнь не была простой. Это мягко сказано. Я родилась и сразу умерла. Вернулась. Росла в доме, где любовь путали с властью, а боль считали воспитанием. Я знала голод, холод, предательство самого близкого человека. Я знала рабство, и не как метафору, а как реальность с запертыми дверями и отобранными документами. Я знала насилие в его самых грубых формах. Я знала одиночество такой глубины, что дно его нащупать не получалось. И я знала смерть изнутри, несколько раз, с той стороны, откуда не всегда возвращаются.

Но я также знала другое.

Я знала, как шепчут деревья, если слушать правильно. Знала, как выглядит душа человека, когда он думает, что его никто не видит. Знала голоса, которые приходят в тишине и не лгут, в отличие от людей. Знала свет, который есть на той стороне, и знала, почему я каждый раз возвращалась обратно. Не потому что меня не отпускали. А потому что я выбирала вернуться. Потому что моя задача здесь не была выполнена.

Она не выполнена и сейчас. Эта книга — часть этой задачи.

Я не пишу, чтобы вызвать жалость. Жалость — это то, что люди дают слабым, чтобы не видеть в них силу. Я не слабая. Я никогда не была слабой, даже тогда, когда лежала на полу и не могла встать. Особенно тогда.

Я пишу, потому что знаю: где-то прямо сейчас есть человек, который проживает свою темноту и не знает, что она конечна. Который думает, что он один. Который уже почти перестал верить, что из этого можно выйти и выйти не сломанным, а, как ни странно, более целым, чем был до входа.

Для этого человека я и пишу.

Я умирала девять раз. Возвращалась девять раз. И каждое возвращение было не случайным. Каждое несло в себе новое понимание: о себе, о мире, о тонкой нити, которая связывает видимое с невидимым, живых с теми, кто ушёл, прошлое с настоящим, боль с освобождением.

Всё, что я знаю, я знаю не из книг. Мои учителя — это огонь, через который я прошла. Люди, которые предавали. Ночи, в которые я разговаривала с теми, кого не видит никто. Моё тело, которое помнит всё: каждый удар, каждое возвращение, каждый момент, когда я выбирала жить.

Это не книга о ведьмах в том смысле, каким этим словом пугают детей. Ведьма — это женщина, которая знает. Которая слышит. Которая видит то, что другие предпочитают не замечать. Которая прошла через достаточно огня, чтобы больше его не бояться. Такими не становятся. Такими рождаются и потом всю жизнь вспоминают, кто они есть, через боль, через потери, через невозможные обстоятельства, которые почему-то не убивают.

Я — такая. И если вы держите эту книгу в руках, то, возможно, вы тоже.

Случайностей нет. Это я знаю не как красивую фразу, а как закон, который проверила на себе столько раз, что он давно стал частью моего позвоночника. Что-то привело вас сюда. Что-то в вас откликнулось на это название, на это имя, на этот голос. Доверьтесь этому отклику. Он знает больше, чем разум.

Я иду рядом. Через каждую страницу.

С любовью и без иллюзий,

Елена Веда

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОРНИ

Глава 1. Рождённая вне времени

Меня не ждали. Или ждали не такой.

Я появилась на свет четвёртого августа семьдесят пятого года в украинском селе с говорящим названием Ленино. Можно даже сказать, что в честь меня. Позже его переименуют, как будто само место захочет забыть, кем было. Я его понимаю. Август в тот год стоял душный, тяжёлый, с той особой украинской жарой, которая не отпускает ни днём ни ночью и пахнет раскалённой землёй и чем-то прелым из глубины огородов. Земля в такую жару трескается по краям дорог, трава выгорает до соломенного, и даже куры сидят в тени без движения, открыв клювы. В такой зной рожать трудно. Но мать рожала. И я пришла.

Только сразу же ушла.

Акушерка потом рассказывала об этом как о чуде, хотя в её голосе было больше страха, чем восхищения. Ребёнок не дышал. Что там делали руки медиков, что говорилось в те минуты между жизнью и смертью, я не знаю и не узнаю никогда. Но я вернулась. Не потому что меня удержали. Я уже тогда, в первые секунды существования, сделала выбор сама. Это важно понять с самого начала, потому что весь мой путь построен именно на этом: я всегда возвращалась сама. Не меня возвращали. Я выбирала.

Когда отец впервые увидел меня, он сказал: не его.

Я лежала в пелёнках, тёмненькая, с голубыми глазами, которые смотрели на мир так, будто уже видели его раньше в другом обличии. Ни мать, ни отец не имели таких черт. Родственники переглядывались. Кто-то отводил взгляд. Отец был категоричен. В деревне такие вещи не забывают и не прощают, они оседают в воздухе дома и остаются там навсегда, отравляя всё к чему прикасаются. Это первое, что я принесла в мир своим появлением: сомнение. Вопрос. Несоответствие.

Я оказалась несоответствием с первой минуты.

Много лет спустя я узнала кое-что ещё. Моя группа крови третья отрицательная. У матери третья положительная, у отца первая положительная. Отрицательный резус при таких родителях — это очень большая редкость, как будто природа специально обозначила: этот ребёнок пришёл по другим законам. Я выслушивала это спокойно, потому что давно уже не удивлялась. Тело моё пришло из этой семьи, это правда. Но откуда пришло то, что живёт внутри тела, это совсем другой вопрос. И ответ на него искать в медицинских справочниках бессмысленно.

На левом плече у меня чёрное родимое пятно. Тёмное, чёткое, как отметина, поставленная намеренно. В детстве я рассматривала его подолгу, пальцем обводила контур и чувствовала что-то неформулируемое, что-то на границе между узнаванием и вопросом. Кто поставил эту печать. Зачем. Что она означает. Ответы не приходили словами. Они приходили позже, через жизнь, через всё, что случалось одно за другим и никогда не казалось случайным.

Родственники называли меня Белый Лебедь.

Это звучало красиво и немного печально одновременно, как все прозвища, в которых есть правда. Белый лебедь среди серых птиц. Не потому что лучше, а потому что другой. Непохожий. Тот, кто нарушает рисунок просто своим присутствием, не делая для этого ничего особенного. Я росла с этим ощущением постоянно, оно было как тень, которая не отходит независимо от того, как стоит солнце. В семье, в деревне, в школе, в любом месте, куда я попадала, было одно и то же: что-то в тебе не так. Что-то избыточное. Что-то, что мешает другим чувствовать себя на месте.

Я долго думала, что это моя вина. Что нужно стать удобнее, тише, меньше. Потом перестала думать так. Но это случилось не скоро.

Сорвиголова. Это слово подходит мне точнее любого другого из того времени. Пока девочки сидели по домам или собирались компаниями на лавочках, я носилась по пыльным сельским дорогам на всём, что ездило. Мопеды, велосипеды, тракторные прицепы, мотоциклы соседей, взятые без спроса пока хозяева не смотрели. Всё, что имело колёса и двигатель, притягивало меня как магнит. Что-то в этом движении, в скорости, в ветре, который бьёт в лицо и не даёт думать ни о чём кроме дороги, давало мне то, чего не было больше нигде. Ощущение, что я сама выбираю, куда еду. Что управляю хотя бы этим.

К пятнадцати годам я умела управлять практически любым транспортом, который попадался. Это не преувеличение. Это просто факт, который удивлял всех кроме меня, потому что для меня это было естественным продолжением того же упрямого любопытства ко всему, что можно освоить и сделать своим.

Отец, при всей своей жестокости, в этом видел что-то своё. Он обещал купить мне мопед с педалями если хорошо закончу школу. Школу я так не закончила. Но мопед мне и не был нужен. У меня уже было всё, что нужно для езды, кроме собственной машины.

Старшие пацаны со мной не связывались. Это был неписаный закон, который установился сам собой после нескольких случаев. Не потому что боялись физически, размером и силой я не отличалась. Что-то другое их останавливало. Может быть взгляд. То, как я стояла. Как смотрела на человека прямо, без страха и без вызова одновременно, просто видела его насквозь, и он это чувствовал. Такой взгляд трудно выдерживать, когда ты сам не уверен в себе до конца.

Деревня Ленино была обычным местом. Здесь знали всё про всех и не знали ничего про главное. Здесь пили, растили детей, ругались через заборы, мирились к следующему празднику и умирали, не сказав того, что хотели. Здесь по вечерам кричали лягушки в ставке, летом пахло сеном и навозом, а небо над полями было такое огромное и близкое, что голова кружилась если смотреть долго. Я смотрела. Подолгу. Ложилась на спину в высокую траву и смотрела в это бесконечное небо и думала о том, что земля подо мной слишком маленькая для всего того, что живёт внутри меня.

Это ощущение было постоянным. Не в смысле гордости или превосходства над окружающими. В смысле несовпадения масштабов. Что-то внутри не помещалось в те рамки, которые предлагало место и время. Что-то распирало изнутри, требовало пространства, которого не было, требовало слов, для которых не было языка, требовало жизни которой вокруг никто не жил.

Я не понимала тогда, что это такое. Не было категорий для понимания. Был только этот постоянный внутренний избыток, это несоответствие между тем что снаружи и тем что внутри, которое я носила в себе с рождения и которое все вокруг считали странностью, а я считала просто собой.

Меня не принимали такой. Это тоже стало ясно рано, очень рано, в том возрасте, когда ещё не умеешь назвать происходящее словами, но уже всем телом чувствуешь его смысл. В семье не принимали. В деревне смотрели косо. В школе будет своя история, длинная и тяжёлая. Но об этом позже.

Пока я просто росла. Тёмненькая девочка с голубыми глазами, с чёрной отметиной на плече, с кровью которая не совпадала ни с чьей родительской, с именем Белый Лебедь, которое было точным и одиноким одновременно. Росла в жаре украинского лета и в холоде украинской зимы, на пыльных дорогах с мопедом между колен и в высокой траве с глазами в небо. Росла среди людей, которые не знали, что со мной делать, и внутри себя, которая тоже ещё не знала, но чувствовала: это не навсегда. Это место и это время не последние.

Впереди был огонь. Много огня. Разного. Но это тоже позже.

Пока август. Пока Ленино. Пока маленькая, только что умершая и только что вернувшаяся девочка смотрит в потолок своими глазами и уже знает что-то, чего не знает никто вокруг.

Что она пришла сюда не случайно.

И что уйдёт только тогда, когда сама решит.

Глава 2. Дом, которого не было

Дом пах крысами и старым деревом.

Не сразу, конечно. Сначала ты привыкаешь и перестаёшь замечать. Потом уходишь, возвращаешься через время и понимаешь: вот оно. Этот запах. Он всегда был здесь. Сырость из подпола поднималась сквозь щели в полу и оседала на всём. На одежде, на хлебе, на волосах. Зимой стены покрывались инеем изнутри, и я просыпалась с этим белым ледяным узором перед глазами и лежала не двигаясь, потому что из-под одеяла вылезать было страшно. Пол был ледяной. Всегда.

Вот что такое был мой дом. Не место, где тепло. Место, где надо было выжить до весны.

Два рода текли во мне как две разные реки, которые никогда не смешивались по-настоящему. Материнский род шёл с молдавской стороны. Они были богатые, это правда. Добротные дома, полные закрома, крепкие хозяйства. Но богатство не делает людей добрее. Иногда оно делает их жёстче, потому что есть что терять и есть кем себя считать. Материнская родня была такой: крепкой, закрытой, с улыбками для чужих и холодом для своих. Деньги у них водились. Нежности не было совсем. Они умели держать дом в порядке и не умели держать в руках чужую боль, просто потому что не считали это нужным.

Отцовский род был другим. Польская кровь, бедность, но в ней что-то живое. Там умели петь. Умели плакать. Умели сидеть за столом долго и говорить о том, что болит. Они не имели ничего особенного, но, когда входили в комнату, воздух менялся. Становился чуть теплее.

Отец мой был именно оттуда. Талантливый, это все признавали. Он брал любой инструмент и через полчаса играл на нём так, будто знал всю жизнь. Гитара, гармонь, баян, даже мандолина, которую нашли где-то на чердаке. Пальцы сами находили нужные лады. В нём жил музыкант, настоящий, не выдуманный. Но бедность сломала этого музыканта раньше, чем он успел стать кем-то. Она вошла в него как ржавчина в железо: медленно, незаметно, и уже не вытравить. Он нёс в себе этот слом и не знал, что с ним делать, кроме как передавать его дальше.

Мать ему было шестнадцать, когда он её похитил. Именно так это и называлось тогда в тех местах, похитил, и это считалось почти что романтикой, страстью, доказательством чувств. Молодой человек берёт девушку, увозит, родители смиряются, свадьба. Что чувствовала мать в те первые дни, я не знаю. Она никогда не рассказывала. Может, и было что-то похожее на любовь. Может, просто страх, который со временем стал привычкой.

Бабушка по материнской линии, была другой породы. Когда я попадала к ней, меня первым встречал запах. Полынь, сухие яблоки и что-то ещё, терпкое, как будто сама земля дышала сквозь стены. Она солила углы. Делала это серьёзно, без улыбки, с той сосредоточенностью, с которой люди молятся. Брала горсть крупной соли и сыпала в угол аккуратно, приговаривая что-то тихое, себе под нос. Потом вешала над дверью пучки сушёных трав, я не знала их названий, только запомнила, что один пахнет резко и горько, а другой сладковато, почти как мёд. Когда она пекла хлеб, всех выгоняла из кухни. Просто выставляла за дверь и закрывалась. Что происходило там, пока пёкся хлеб, оставалось её тайной.

Я тогда не понимала, что это такое. Но что-то во мне откликалось. Что-то очень глубокое, как будто я уже знала этот запах полыни и эти движения рук, знала из другого времени, из другого тела. Руки её были тёмные, узловатые, натруженные. Когда она брала меня за руку, её пальцы были сухими и тёплыми одновременно. Это было первое прикосновение в моей жизни, от которого не хотелось отстраниться.

Тётя Света была с отцовской стороны. Его сестра. Когда я видела её издали, что-то срабатывало внутри раньше, чем успевал включиться разум. Ноги сами несли вперёд, руки раскидывались, и я кричала что-то своё, детское, не умея ещё правильно выговорить её имя. Сета,

кричала я, Сета. Она смеялась и подхватывала меня, и в этом объятии было то, чего я нигде больше не находила: ощущение, что я вернулась. Не пришла в гости. Именно вернулась. Домой. К кому-то, кто знает меня настоящей. Я не умею объяснить это иначе. Может, мы были знакомы раньше, в каком-то другом воплощении, и тело помнило то, что разум ещё не освоил.

Кладбище находилось на краю деревни, за старыми тополями. Я ходила туда одна. Лет с восьми, наверное, или раньше. Никто не отправлял, и никто не запрещал, просто никому не было дела до того, куда я иду. Там пахло прелой листвой и какими-то цветами, не живыми, а засохшими в жестяных банках. Трава между могилами была высокой и влажной. Кузнечики стрекотали так громко, что закладывало уши. Я находила какую-нибудь плиту потеплее, нагретую солнцем, садилась рядом и говорила. Не молилась. Именно говорила. Рассказывала, что произошло. Иногда спрашивала. Ответы не приходили словами, но что-то менялось в воздухе, становилось легче в груди. Мне там никто не причинял боли. Никто не кричал. Никто не смотрел с презрением. Мёртвые были лучшими слушателями из всех, кого я знала.

Дома между тем жизнь шла своим чередом.

Крысы скреблись ночами под полом. Не тихо, по-хозяйски, как будто им принадлежало это место, а мы были гости. Я лежала и слушала этот звук и привыкала к нему, как привыкают к чему угодно, если оно повторяется достаточно долго. Потолок над кроватью был с тёмным пятном сырости в углу, оно меняло форму в зависимости от сезона. Зимой расползалось. Летом подсыхало. Я знала его очертания наизусть.

Мать шила нам одежду сама. У неё были руки, которые умели это делать хорошо, технически. Она кроила, строчила, это было аккуратно. Но не то. Дети в школе носили покупное, я это чувствовала на себе каждое утро, когда одевалась. Ткань была не такой. Фасон был не таким. Что-то неуловимо не так, и это неуловимое превращалось в классе в очень даже уловимое. В смешки. В взгляды. В то, как тебя не зовут вместе с собой.

Я сутулилась тогда. Ходила с опущенной головой, как будто хотела занять меньше места в пространстве. Как будто заранее извинялась за то, что существую. Это длилось долго, пока что-то во мне не переломилось, но об этом позже.

Пока же был дом с крысами и инеем на стенах. Был отец с его сломанным талантом и тяжёлыми руками. Была мать с её закрытостью и прутом из сирени. Был полынный запах у бабушки, который я вдыхала как воздух другого мира. Были тёплые сухие пальцы тёти Светы. Было кладбище с нагретыми на солнце плитами и кузнечиками в высокой траве.

Это и был мой дом. Весь сразу.

Не один из них, а все вместе, с противоречием внутри, с теплом в одном месте и холодом в другом, с запахом полыни и запахом крысиной норы, с той странной детской логикой, которая принимает всё как есть, потому что другого не видела и не знает.

Я росла в этом. Я дышала этим. Я стала из этого.

И кладбище было единственным местом, где я не сутулилась. Где ходила прямо. Где говорила вслух, не оглядываясь. Мёртвые не осуждали. Мёртвые просто слушали, и этого было достаточно. Больше, чем всё, что давал живой дом с его холодом и крысами и сломанным талантом отца, который всё никак не мог найти себе применения в этом мире, кроме боли.

Глава 3. Детство на краю

Кабель от утюга был серый, в матерчатой оплётке, толщиной с большой палец.

Я знала его на ощупь так же хорошо, как знают что-то, к чему прикасаются часто. Он висел на гвозде в сенях, и когда я входила с улицы, взгляд всегда находил его раньше, чем успевал найти что-то другое. Не потому что искала. Просто тело уже научилось проверять: на месте или нет. Если на месте — значит, пока тихо. Если нет — значит, где-то в руках.

Отец бил молча. Это было хуже крика. Крик хотя бы предупреждает. Он снимал кабель и работал им методично, без слов, без объяснений. По спине, по ногам, куда придётся. Ткань рубашки не спасала, оплётка была жёсткой и оставляла на коже тёмные полосы, которые потом горели ещё несколько дней, особенно ночью под одеялом, когда не было куда деться от этого тихого горящего жара.

Потом было наказание другого рода. Хуже кабеля, потому что дольше.

Он насыпал соль на пол. Крупную, каменную. Ставил меня коленями на эту соль и давал в руки тарелку. Глубокую, фаянсовую, с синей каёмкой по краю, я её помню до сих пор. Наливал воды до краёв. Говорил — держи. И уходил. Или сидел и смотрел, я не всегда понимала, что хуже. Руки поднять на уровень плеч и держать. Не двигаться. Соль впивалась в колени сразу, через первую минуту уже не просто больно, уже жжение идёт вверх по ногам, как что-то живое. Вода в тарелке чуть дрожала от напряжения рук. Я смотрела на эту дрожь и считала. Медленно. Один, два, три. Только бы не пролить. Потому что, если прольёшь, то всё начнётся заново. С кабелем сначала, потом опять тарелка.

Однажды я пролила.

Не помню, сколько стояла до этого, но руки уже не слушались, пальцы онемели и перестали быть моими. Вода ушла на пол тихо, почти беззвучно. Я смотрела на мокрый пол и ждала. Он встал. Я слышала скрип стула и его шаги, и воздух в комнате стал другим, плотным, как перед грозой, когда ещё нет ни молнии, ни грома, но уже всё знаешь. Я перестала кричать где-то к третьему или четвёртому разу. Просто замолкала и терпела. Он снова насыпал соль. Снова тарелка с водой. Снова.

Мать не вмешивалась. У неё был свой инструмент, прут из сирени. Гибкий, тонкий, он свистел в воздухе перед тем как ударить, этот звук я узнавала раньше любого другого. Она хлестала по рукам и по ногам. После оставались тонкие синие рубцы, которые долго не проходили. Потом она же прикладывала мокрую тряпку к этим рубцам и плакала. Я не понимала, зачем. Тряпка была холодная и пахла сыростью. Я молчала и ждала, когда она уйдёт.

В школу я не ходила после таких дней. Не потому что не хотела. Потому что нельзя было показываться. Следы на руках видно. Учителя смотрят. Я сидела дома и слышала, как за окном идут одноклассники, их голоса долетали через мутное стекло, и я смотрела на тетрадь и рисовала звёзды. Не учебные. Просто звёзды, много, разной величины, одну за другой, пока страница не покрывалась ими вся. Не знаю зачем. Руки сами тянулись рисовать именно это.

Зима была отдельным испытанием. Отец выгонял на снег босиком. Открывал дверь и просто показывал. Иди. Я шла. Снег под ногами был спрессованный, твёрдый и ещё не такой страшный первые несколько секунд. Потом начинало жечь. Ступни переставали чувствовать холод и начинали чувствовать боль, это разные вещи, и боль была острой, как будто стоишь на стекле. Я стояла и смотрела на своё дыхание, оно клубилось белым паром в морозном воздухе, и я следила за этим паром как за единственным, что было моим в тот момент. Дыхание моё, и оно никуда не девается.

Переносицу он разбил случайно или не случайно, я так и не решила. Лбом. Резкое движение головой вперёд, и всё. Кровь пошла сразу, горячая, с металлическим привкусом на губах.

Я зажала нос ладонью и смотрела, как кровь проступает между пальцами. Не заплакала. Просто смотрела.

Где-то в то время и появился счёт.

Я не помню, кто научил. Может, никто. Может, само пришло. Когда я понимала, что иду домой и там что-то будет, я начинала считать. От десяти до одного, потом снова от десяти до одного, и так десять раз подряд. Медленно, про себя, каждую цифру проговаривала как слово. Десять. Девять. Восемь. Руки шли сами, ноги шли сами, а я была где-то внутри этого счёта, как в трубе, где нет ничего, кроме цифр. Это работало. Не всегда, но часто. Я приходила домой, а они спали. Или отца не было. Или что-то случалось, из-за чего про меня забывали. Я не анализировала тогда, почему работает. Просто считала. И это было моё.

В школе была своя война.

Меня приняли в пионеры последней. В классе. Я помню этот день, стоим в линейку, называют имена, повязывают галстуки, все нарядные, все торжественные, и я жду. Называют не меня. Не меня. И снова не меня. Потом всё-таки называют, последней в ряду, и я выхожу и чувствую на себе взгляды, в них нет злости, что почти хуже. В них просто равнодушие. Как будто это было ожидаемо.

Дразнили за одежду. За то, что не такая. Я ходила с опущенной головой и сутулилась, и это делало меня удобной мишенью, потому что, когда человек уже сам согнулся, ударить проще. Я не умела ещё тогда держать спину прямо. Учебники меня не интересовали совсем. Я сидела на уроках и рисовала звёзды в тетрадях, и учителя делали вид, что не замечают, потому что замечать было лень.

Одноклассница предложила заплести мне волосы. Я согласилась. Сидела смирно и чувствовала, как её пальцы делают что-то у меня на голове, я не видела что, просто чувствовала тягу и тепло чужих рук. Потом засмеялись. Несколько человек сразу. Она вплела в косу бумажки, свёрнутые трубочками, и вся эта конструкция торчала у меня из головы как что-то бесформенное и смешное. Смех был громкий, с той особой детской жестокостью, которая не знает меры.

Что-то переключилось.

Не злость. Точнее не только злость. Что-то более холодное и точное. Я встала, обернулась к ней и ударила. Потом ещё раз. У неё пошла кровь из носа, и я смотрела на эту кровь и не чувствовала страха, только странную тихую ясность, как будто что-то наконец встало на своё место. Меня поставили на учёт. Вызвали мать. Мать пришла молчаливая, с каменным лицом, и я знала, что будет дома. Но в тот момент мне было всё равно. Что-то изменилось в тот день, необратимо и навсегда. Я поняла: я умею. Я умею давать сдачи. И это знание осталось во мне, как ещё один инструмент выживания, рядом со счётом от десяти до одного.

Старшие приставали тоже. Сильнее меня, это правда. Запугивали, теснили в угол. Я думала тогда: почему именно я. Смотрела на других девочек и не понимала, почему они идут по улице спокойно, а меня всегда кто-то замечает. Какая-то девочка на дискотеке, куда я впервые пришла, вышла специально из толпы и встала передо мной. Что ты из себя строишь, сказала она. Ты никто. Я была худая, маленькая. Но я не отступила. Что-то в том, как я стояла, её остановило. Я и сейчас не могу объяснить, что это было. Просто взгляд. Просто то, что я не опустила глаза.

Отец, увидев однажды синяк на моём лице, сказал коротко: ты пацанка. Это было не осуждение и не похвала. Просто констатация. Он смотрел на меня в тот момент с чем-то похожим на удивление, как будто увидел впервые. Потом отвернулся и больше ничего не сказал.

Я жила между двумя видами боли. Одна была дома, предсказуемая, ритмичная, с кабелем и солью и мокрой тряпкой после. Другая была снаружи, в школе, на улице, непредсказуемая и потому страшнее. Но я выработала против неё то же самое средство, что против первой. Не убегать. Стоять. Считать внутри, если нужно. Смотреть прямо.

Звёзды в тетрадях множились. Я рисовала их везде, на полях учебников, на обёрточной бумаге, на запотевшем зимой стекле пальцем. Зачем, не знала. Просто рисовала. Рука тянулась к этой форме снова и снова, пятиконечной или шестиконечной, большой или маленькой, одной или в россыпи. Как будто что-то внутри знало язык, которого я ещё не выучила. И этим языком были звёзды.

Глава 4. Между мирами

Мне было шесть лет, когда кто-то начал ходить по моей кровати.

Не рядом. Именно по кровати. Я лежала под одеялом, в темноте, и слышала, как пружины продавливаются под чьим-то весом. Мягко, ритмично, с той особой пружинистостью, которая бывает только когда кто-то прыгает или переступает с ноги на ногу. Запах в комнате был обычный: пыль, деревянные стены, чуть кислый запах старого матраса. Всё обычное. Только звук был не обычный. Я лежала, не двигаясь, и слушала, как что-то невидимое ходит по моей постели в двух сантиметрах от моих ног, и одеяло чуть подрагивало от этих шагов.

Я не закричала. Даже не позвала никого. Не знаю почему. Может, уже тогда понимала: позову, и оно уйдёт. А я хотела слушать. Хотела понять.

Потом всё прекратилось так же внезапно, как началось. Пружины успокоились. Тишина вернулась, но другая, уже не пустая. Как будто кто-то ушёл, но оставил после себя след в воздухе, тёплый и почти осязаемый. Я ещё долго лежала с открытыми глазами и смотрела в темноту потолка. Сердце билось ровно. Страха не было. Было что-то похожее на любопытство и одновременно что-то похожее на узнавание, будто это уже было, просто я не помнила, когда.

Утром я не сказала никому. Это стало правилом, хотя я не формулировала его словами. Просто знала: некоторые вещи остаются внутри.

Коты появились позже. Или раньше, я уже не могу восстановить порядок точно, потому что эти события не выстраиваются в линейку, они существуют как отдельные острова в памяти, каждый со своей погодой.

Мы шли с одноклассницей по полю. Лето, сухая трава под ногами шуршала и пружинила, воздух пах нагретой землёй и чем-то травяным, острым. Впереди было ровное место между двумя участками, и на этом месте сидели коты. Много. Я не считала, но их было много, разных, рыжие и серые, и чёрные, и полосатые, в разных позах, некоторые смотрели в одну сторону, некоторые в другую, один сидел очень прямо, как сидят только когда ждут чего-то важного. Я остановилась. Я смотрела на них, и они были совершенно настоящими, объёмными, отбрасывали тени.

Я спросила подругу: видишь?

Она посмотрела туда же, куда смотрела я, и сказала равнодушно: там ничего нет.

Я не стала настаивать. Мы пошли дальше, и я чувствовала, как коты смотрят мне вслед, всем своим неподвижным многочисленным взглядом. Оглянулась один раз. Они сидели. Потом дорога повернула, и я их больше не видела.

Что это было, я тогда не спрашивала себя. В шесть, в семь, в восемь лет не спрашивают зачем. Принимают. Мир был именно таким: с котами на пустом поле и шагами на кровати и ещё многим другим, о чём не говорят вслух.

Вода стала отдельной историей.

В реке я плавала как все, это было обычным летним делом, деревенские дети проводили в воде половину лета. Но однажды что-то случилось. Я ушла под воду, как ухожу всегда, и там что-то изменилось. Не во мне, не в воде, а в пространстве между мной и водой. Обычно под водой считаешь секунды, тело само ведёт счёт, потому что лёгким нужен воздух, это закон. Здесь закон не работал. Я была под водой и не нуждалась ни в чём. Река пахла илом и водорослями, этот запах был отчётливым и близким, и я дышала им, именно дышала, не задерживала дыхание. Вода вокруг была зелёная и светлая, солнечные пятна двигались по дну, мелкий песок чуть шевелился. Я висела в этой зелёной тишине и не чувствовала никакой срочности. Ни страха, ни нехватки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.